

Хороша ли ложка к остывшему обеду — или Зачем России военная база в Судане?

≡ Автор	Сергей Коняшин
@ Email	sergey.konyashin@gmail.com
📅 Date	@February 14, 2025
↗ English version	<u>Is a Spoon Useful for a Cold Meal? Or Why Does Russia Need a Military Base in Sudan?</u>

Россия, наконец, получила базу на Красном море. Но нужна ли она ей теперь?

Заявление суданского министра иностранных дел Али Юсефа Ахмада аш-Шарифа о достижении договоренности с Москвой о создании российской военно-морской базы на Красном море, прозвучавшее 12 февраля на его встрече с Сергеем Лавровым, удивили меня не меньше многих. Почему давно провалившийся и, казалось бы, заброшенный проект вдруг обрел новую жизнь и столь внезапно заиграл свежими красками в мировом информационном поле?

Кто есть кто?

Сперва давайте разберемся, кто такой этот А. аш-Шариф. Формально этого человека представляют как суданского коллегу С. Лаврова. Однако это правда лишь отчасти. Фактически он представляет только т. н. Переходное правительство Судана, полностью подконтрольное Суданским вооруженным силам во главе с генералом Абд аль-Фаттахом аль-Бурханом. Эта политическая структура не контролирует сейчас даже "традиционную" столицу собственной страны — Хартум.

В результате тяжелейшей гражданской войны, длящейся уже почти два года, правительство А. аль-Бурхана было выдвинуто в основном на северо-восток Судана и поэтому оказалось вынуждено перенести свой административный центр в приморский город Порт-Судан. Таким образом "правительство", от имени которого действует принимаемый С. Лавровым в Москве А. аш-Шариф, уверенно контролирует лишь некоторую часть территории своей страны, включая регион Порт-Судана, где и должна разместиться обещанная россиянам военно-морская база.

При этом намного больший интерес для российского читателя должно представлять не столько правительство А. аль-Бурхана, сколько его противники под руководством одиозного военного преступника Мухаммада Хамдана Дагло. А это собственно те, кто и загнал на глухую приморскую окраину некогда влиятельную армейскую группировку, свергнувшую в 2019 г. кровавого диктатора Омара аль-Башира.

Во время моей службы в качестве российского дипломата в Хартуме (2014-2018 гг.) мы называли их *Силами оперативной поддержки*. По крайней мере, такое наименование использовалось во всех сохраненных мной в личном архиве копиях шифрограмм посольства (сообщениях, отсылаемых дипломатами и разведчиками в "центр" по зашифрованным каналам секретной связи). Теперь же, судя по последним публикациям на официальном сайте МИД России, Москва предпочитает называть их *Силами быстрого реагирования (СБР)* — несмотря на то, что их оригинальное название по-арабски не изменялось, и "наша" первоначальная версия перевода была ближе к смыслу оригинала.

Что же представляют из себя эти т.н. Силы быстрого реагирования (для большей ясности будем придерживаться актуальной терминологии российского МИДа)? Пусть нас не смущает схожесть этого термина с названиями специальных подразделений, входящих в состав институциональных государственных силовых структур. На самом деле это просто очень крупное неофициальное парамилитарное бандформирование, организационно представляющее из себя многочисленные отряды легкой мобильной пехоты на пикапах-внедорожниках, популярных у ближневосточных и африканских террористов. Пожалуй, наиболее близкая аналогия, понятная для россиян — это ЧВК "Вагнер" Евгения Пригожина.

СБР были созданы в 2013 г. на базе арабских исламистских националистических банд, лояльных лично тогдашнему президенту Омару аль-Баширу и отличившихся под собирательным названием «Джанджавид» в начале 2000-х гг. многочисленными жуткими преступлениями во время устроенного ими геноцида чернокожего африканского населения в Дарфуре. Очень быстро они — в неофициальном качестве личной гвардии аль-Башира — приобрели статус фактически независимой ветви власти в суданском государстве и получили под свой контроль доступ к ряду важных экономических ресурсов страны, главным из которых было золото.

Однако, из-за наложенных на аль-Башира и его страну международных санкций (за преступления в Дарфуре) суданское золото не могло продаваться за рубеж. И тогда на выручку африканскому военному преступнику поспешил его российский коллега, сам начавший испытывать растущую международную изоляцию после незаконного захвата Крыма в 2014 г.

Российские структуры, созданные пригожинской ЧВК “Вагнер”, активно участвовали в добыче и экспорте суданского золота, позволяя Хартуму обходить международные санкции и обеспечивая всем участникам этой сделки неплохую прибыль. Кроме того, российские наемники проводили обучение личного состава отдельных подразделений СБР и суданской армии, поставляли им вооружение и боеприпасы. Деятельность России на суданском направлении включала также активные информационные кампании, включая продвижение антизападных настроений в суданском обществе. К сожалению, по долгу службы, в качестве пресс-атташе посольства я сам был вынужден в них участвовать, публикуя в местной прессе статьи, осуждающие колониальное прошлое европейских стран, и давая суданскому телевидению интервью, комплиментарно описывающие “российско-суданское сотрудничество”, которое сводилось, по сути, к личным отношениям между Путиным и аль-Баширом.

Таким образом, во второй половине 2010-х гг. обоим узурпаторам власти было весьма выгодно иметь дело друг с другом. Тогда-то у Москвы и начала зарождаться идея создания своей военно-морской базы на Красном море — считай, в одном из центров глобального судоходства. Однако сперва эти планы наталкивались на проблемы доверия в отношениях между диктаторами — в частности, из-за поддержки Москвой маршала Хафара в

Ливии, абсорбировавшего в свои ряды членов дарфурских народно-освободительных движений, оппозиционных аль-Баширу.

А потом аль-Башира свергли...

Нет у революции конца!

Падение режима Омара аль-Башира в апреле 2019 г. и приход к власти коалиционного правительства суданских военных и гражданских реформаторов, провозгласивших поначалу движение в сторону демократизации и всеобъемлющих реформ, поставило вопрос о российской военно-морской базе на паузу.

В суданском обществе царило заметное воодушевление. Многие представители суданской интеллигенции, с которыми я продолжал поддерживать связь, находясь уже в своей следующей командировке в Алжире, ожидали скорой нормализации отношений с европейскими странами и США. Многие суданские политэмигранты готовились вернуться на родину.

Перспективы политических преобразований, внезапно открывшиеся перед одной из богатейших и красивейших стран Африки, казались настолько широкими и многообещающими, что до прежних друзей осточертевшего свергнутого диктатора никому не было дела. Нежелание продолжать развитие отношений с Москвой было понятно. Новые суданские власти не были уверены, что это будет способствовать снижению санкционного давления со стороны США и улучшению связей с богатыми арабскими монархиями Персидского залива.

Однако в октябре 2021 г. лидер суданских военных Абд аль-Фаттах аль-Бурхан решил, что власть — это не то, чем стоит делиться с какими-то гражданскими реформаторами, и совершил новый государственный переворот, сосредоточив всю власть в своих руках. Недолгий демократический путь Судана на этом пресекся. Тогда-то, путинская Россия, рассмотрев в Хартуме привычное и понятное ей лицо очередного узурпатора власти, начала активно выстраивать отношения с новым суданским "аль-Баширом".

В течение полутора лет после захвата контроля над страной аль-Бурхан старательно укреплял свою молодую диктаторскую "вертикаль", пока не натолкнулся на сопротивление давнего соратника свергнутого им аль-Башира — Мухаммада Дагло. Все это время тот продолжал контролировать вверенные ему СБР и неплохо зарабатывал на связях с российскими пригожинскими структурами: ЧВК "Вагнер", а также фирмами "Мероз-Голд" и "М-Инвест", позволявшими ему исправно обналичивать подсанкционное суданское золото через эмиратские биржи.

К весне 2023 г. противоречия о разделении власти в стране между двумя группировками обострились критически. Аль-Бурхан попытался принудить СБР интегрироваться в состав подконтрольной ему регулярной суданской армии, но Дагло в ответ на это 15 апреля 2023 г. поднял вооруженное восстание прямо в центре столицы. В течение нескольких дней он захватил президентский дворец, здания нескольких министерств, включая минобороны, штаб-квартиру центрального телевидения, аэропорт и некоторые другие стратегически важные объекты.

Суданская армия, не умея справиться с ситуацией, в отчаянии: остервенело, но безрезультатно — начала бомбить Хартум с самолетов и обстреливать артиллерией. В те дни суданские друзья прислали мне видео того, что осталось от великолепного жилого комплекса "ан-Наср", где мы жили с семьей во время моей службы в Судане. Наш старший сын Адриан, еще помнивший те места и иногда даже просившийся обратно в Хартум, который запомнился ему солнечным и радостным городом, в шоке смотрел на те дымящиеся, изрешеченные, безжизненные руины на экране моего телефона.

Те события стали началом кровопролитной Гражданской войны, которая продолжается в Судане до сих пор. С первых своих дней она поставила Москву, всегда и везде привыкшую «делать ставку» только на официальную власть, в затруднительную ситуацию — а именно: перед необходимостью сохранить экономическую базу для продолжения взаимодействия с СБР и вместе с тем продолжать придерживаться официальной дипломатической линии на развитие отношений с "законными" властями. И российская дипломатия, как бы к ней ни относиться, судя по всему, в целом пока успешно справляется с этой задачей, демонстрируя не характерную для нее гибкость в версификации связей. В случае успеха такая политика объективно

даст Москве возможность при любом исходе конфликта сохранить влияние на одну из ключевых стран Африки.

Если проанализировать заявления российских официальных лиц в отношении Судана за последние два года, то можно заметить, как старательно Москва пытается сохранять диалог и с военным правительством аль-Бурхана, “окопавшемся” в Порт-Судане, и с головорезами Дагло, де-факто контролирующими столицу Хартум. Это хоть и довольно циничная, но по-своему эффективная политика — проводить ослабление, разграбление и подчинение себе Судана, руками самих суданцев.

Кто же кого переиграл?

Перспектива появления российской военно-морской базы в Судане давно вызывала тревогу у многих западных наблюдателей, особенно в США. Закономерно, что одним из первых по поводу новостей о возможном создании Россией военно-морской базы на Красном море высказался бывший влиятельный американский дипломат Камерон Хадсон. По его мнению, администрация Дональда Трампа должна жестко отреагировать на происходящее, чтобы не допустить превращения Судана в оплот терроризма и уберечь эту страну от судьбы Сомали или Ливии. А именно этим, по его мнению, чревато пагубное российского и иранское влияние на данный регион.

Впрочем, призывы К. Хадсона к Д. Трампу прибегнуть даже и к “силовому варианту”, чтобы дать понять суданцам ошибочность их соглашения с Москвой о военно-морской базе, возможно, не учитывают того факта, что со времен Дж. Байдена подходы Вашингтона к “суданскому досье” могли измениться. И действительно, почему на фоне распространенных сегодня тревожных подозрений о некоей «новой Ялте» — тайных договорённостях ведущих мировых лидеров, включая президентов США и России — нельзя допустить, что Кремлю было позволено более активно действовать в Африке в обмен на молчаливое согласие не вмешиваться в некоторые другие процессы. Например, в ситуацию на Ближнем Востоке, где Трамп уже анонсировал свое стремление захватить Сектор Газа. Разумеется, подтверждений такому предположению, даже если оно и правдиво, нет. Однако динамика последних событий на международной арене вполне

допускает, что Кремль мог бы отдать палестинскую повестку на откуп США и перестать поддерживать ХАМАС, в обмен на возможность укрепить свои позиции в странах, где ранее была задействована ЧВК «Вагнер».

Не исключено также, что на открытии российской военно-морской базы, созданию которой так противился бывший диктатор аль-Башир, в нынешних условиях мог в инициативном порядке настоять и сам аль-Бурхан. По крайней мере, стремление создать на подконтрольной себе территории объект интересов России в противовес ее близким отношениям со своими врагами в гражданской войне с его стороны выглядело бы как минимум логичным.

Впрочем, у внезапного военно-морского прорыва России может быть и масса других объяснений. Абсолютно ясно на сегодняшний день пока лишь то, что новость об открытии российской военно-морской базы в Судане многими очевидно воспринимается как крупный успех режима Владимира Путина. И с этим сложно спорить. Кремль показывает, что, несмотря на войну в Украине и санкционное давление, ему удалось расширить военное присутствие в важном стратегическом регионе. Поэтому всем тем, кто привык ждать скорого поражения России, остается признать, что во внешних делах Москва пока еще сохраняет способность договариваться и маневрировать.

Чемодан без ручки?

Хотя все договоренности о создании российской военно-морской базы на Красном море уже, судя по всему, достигнуты, по-прежнему остаётся неясным, какую практическую пользу принесёт России новый объект, учитывая текущее состояние её военно-морского флота и общее давление со стороны Запада. После сокрушительных украинских ударов по Черноморскому флоту Россия утратила возможность свободно перебрасывать на дальние расстояния свои крупные морские силы. Не облегчает ситуацию и тяжёлое положение коммерческого флота, затрудненное санкциями. Поэтому не исключено, что сооружение российской базы на любезно предоставленном суданцами красноморском побережье в современных условиях может оказаться намного проще, чем её дальнейшее содержание, эксплуатация и защита.

Озвученные А. аш-Шарифом столь долгожданные для российских моряков новости, сегодня, выглядят откровенно запоздалыми. Ещё несколько лет назад такая база могла бы стать важным пропагандистским и стратегическим козырем, усиливая присутствие России в одном из важнейших мировых морских коридоров. Однако сегодня, к исходу третьего года тяжелейшей для России войны в Украине, ситуация сильно изменилась. Массовое ослабление ресурсов флота и общий упадок российского судоходства — не лучшие условия для столь амбициозной военно-морской авантюры у дальних берегов.

Не добавляют ясности складывающейся картине и размышления об экономической целесообразности проекта. Даже если эта база и станет вдруг реальностью, ее эксплуатация потребует значительных средств и усилий, которых у Кремля сейчас и так не хватает. В чем смысл отвлекать и без того дефицитные ресурсы на Красное море? Какую задачу они там должны будут решать? Ответов на эти вопросы, скорее всего, нет и в Кремле. Поэтому некогда желанный для России «трофей» в среднесрочной перспективе, скорее всего, окажется сомнительным достижением.

Зато для Судана последствия очередной российской «многоходовки» будут определено самыми печальными. Милитаризация побережья вряд ли принесет стране долгожданный мир. А вот затягивание гражданской войны и стремительное усугубление гуманитарной катастрофы — наверняка.